

Риск-солидарности: российская версия

Олег Яницкий

Постановка вопроса

Концептуальные рамки статьи базируются на трех типах социологической литературы. Во-первых, это теории «общества риска» и рефлексивной модернизации, в которых производство и потребление рисков рассматривается как фактор изменения социальной структуры общества и формирования общностей жертв риска (Beck, 1992; 1994; 1995; Beck, Giddens & Lash, 1994; Luhmann, 1993). Во-вторых, это социокультурная теория риска, акцентирующая социальный и культурный контекст, в границах которого риск воспринимается, дебатруется и (возможно) квалифицируется как социально-приемлемый (Douglas and Wildavsky, 1982; Douglas, 1985, 1992; Wildavsky, 1988). В-третьих, вся линия активистской социологии от Ч. Тилли до А. Турена, где солидарность определяется по критериям общности ценностей, социальной идентичности и плотности сетей взаимодействия (Tilly, 1978, Touraine, 1988).

Исходя из этих работ, в самом общем виде можно утверждать, что формирование риск-солидарностей, в том числе негативных индентификаций и солидарностей, есть ответ человека на вызовы общества риска. Так, У. Бек отмечает, что новые социальные движения двойственны по своей природе. С одной стороны, «они являются ответом на растущие риски и их осознание, а также на рискогенные конфликты», но с другой – «результатом поиска социальной и личной идентичностей и связей в детрадиционализирующемся обществе» (Beck, 1992: 90).

Хотя факт наличия таких общностей в российской действительности не отрицается (Гудков, 2000), в российском социологическом дискурсе, особенно вокруг проблем «переходного» периода, акцент делается на «позитивных» (достижительных) солидарностях. Так, В. Ядов говорит, что «российское общество нуждается в общенациональной солидаризирующей идеологии» (Ядов, 2001: 17). Е. Данилова ищет «позитивные индентификации», то есть близость людей по различным основаниям, как-то семейные ценности, жизненный успех, национальная или гражданская принадлежность (Данилова, 2001: 593, 594 и след.). Так или иначе, позитивный подтекст во многих исследованиях по проблемам солидарности преобладает.

Тем временем, проблема индентификации в связи с борьбой за гражданские права, права женщин, за чистую и безопасную среду постоянно присутствует в западной социологии уже многие десятилетия (Touraine, 1983; Obershall, 1993; Branch, 1998). Тема сопротивления изменениям, навязываемым сверху, солидарности отчужденных и депривированных, получила новый импульс в связи с процессом глобализации. Безусловно, антиглобалистское движение очень разнородно, но мотив борьбы с рисками установления нового миропорядка преобладает (Yuen, Burton-Rose & Katsiaficas, 2002; Broad, 2002; Smith & Johnston, 2002). Наконец, сегодня терроризм – внутренний и международный – стал повсеместным явлением, всепроникающим риском, понуждающий людей к поискам форм коллективной защиты.

Я не ставлю своей целью исследовать все виды и формы риск-солидарностей. Моя задача заключается в том, чтобы показать, что эти солидарности – не «отклонение», а норма социальной жизни, что позитивные и негативные солидарности в жизни российского общества одинаково значимы и взаимосвязаны.

Теоретические рамки понятия

Мое понимание риск-солидарности методологически ближе к К. Марксу и Н. Луману, нежели к Э. Дюркгейму, поскольку разрабатывается мною в рамках активистской парадигмы в социологии. Так, Ч. Тилли, а вслед за ним и М. Диани, определяют солидарность по критерию плотности социальных сетей и сильной коллективной идентичности (Tilly, 1978; Diani, 1992). В том же методологическом ключе дается дефиниция идентичности (Stryker, 1991). Поскольку солидарности в советском и нынешнем российском обществах активно конструировались, я опирался также на теоретический багаж конструктивистского направления в данной отрасли социологии (Cerulo, 1997). Но и здесь нужны оговорки. Так, в свое время Н. Луман полагал, что солидарность необходима только представителям низших классов, брошенным обществом на произвол судьбы (Луман, 1996). Однако, как оказалось, это утверждение справедливо лишь для «мирного» времени. После событий 11 сентября 2001 г. миллионы вполне обеспеченных американцев испытали огромную потребность в солидаризации.

Названные методологические предпосылки использовались мною не непосредственно, а в качестве аналитических инструментов, поскольку российское общество находится в фазе простой модернизации, с сильным традиционалистским обертоном. Нет и свободы выбора, ресурсов для конструирования «индивидуальных биографий». В индустриально развитых странах Запада общая ситуация движется в направлении отказа от стандартных биографий, в России – все еще заметно подчинение индивида «коллективной биографии» конкретной общности. Поэтому, если там «индивид как таковой становится воспроизводимой единицей социальности» и «биография становится рефлексивным проектом» (Вебк, 1992: 90), то здесь, по моему мнению, таким фундаментальным проектом является противоположность (раскол) судеб производителей и жертв рисков.

Солидарность *производителей риска* может быть определена как общность людей, силовым образом «приватизирующая» в своих эгоистических интересах национальные ресурсы и воспроизводимые структуры общества, включая его социальный порядок. Эти риск-солидарности носят агрессивный характер: их первичный финансовый, социальный и иной капитал был создан посредством силовой экспроприации общественного богатства. Нелегальность, принуждение и насилие являются здесь ключевыми словами, потому что подобные солидарности создаются скрытно, мобилизуют ресурсы для своего воспроизводства силовым способом и «защищаются» при помощи принуждения, основанного опять же на насилии или его угрозе.

Солидарность *жертв риска* – это общности людей, защищающих свое здоровье и безопасность. Эти общности, как правило, носят альтруистический характер, поскольку озабочены здоровьем и безопасностью не только себя и своих близких, но некоторой группы и даже общества в целом. Это общности «ответа» на вызов со стороны риск-производителей. Такие солидарности создаются снизу, поддерживают сложившийся социальный порядок, действуют в рамках закона и мобилизуют единомышленников для достижения своих целей.

Данная дихотомия, как и всякая другая, очень груба: в действительности диапазон риск-солидарностей чрезвычайно обширен. Прежде всего, это группы и сообщества, единственным занятием которых является конструирование и производство рисков с целью систематического нанесения материального и физического ущерба другим (воровские, бандитские и террористические сообщества, «неопознанные» вооруженные формирования, а также все разновидности идеологических и политических группировок, конструирующих социальные напряженность и разрушения).

Затем можно назвать общности, которые извлекают непосредственную пользу из производства «мирных» рисков. Сюда относятся все формы «силового предпринимательства» (теневики, спекулянты, коррупционеры) – бизнеса, основанного на принуждении и насилии (Волков, 2002; Радаев, 2002), а также группы, которые стремятся приспособиться к жизни в рискогенной среде (челноки, спекулянты, посредники и др.). Замечу, что все они не только производят риски, но и претендуют на роль создателей нового социального порядка.

Наконец, это различные общности, которые так или иначе отвечают на вызовы риск-производителей. Это общности непосредственных жертв рисков (инвалиды, беженцы, вынужденные переселенцы, носители афганского, чеченского и иных синдромов, «обманутые вкладчики» и другие жертвы социальных катаклизмов, природных и рукотворных катастроф). Затем – оборонительные, защитные сообщества: в сущности, они основаны на ключевом принципе общества риска: «Я боюсь!» (Веск, 1992: 49). За ними (условно) следуют эскапистские сообщества, стремящиеся реально или иллюзорно обособиться от общества риска (сообщества наркоманов, секты). Есть солидарности, просто отрицающие существующий социальный порядок (электорат, голосующий по принципу «против всех»). В конце списка можно поставить общности, которые тем или иным способом пытаются ослабить риски, угрожающие здоровью и жизни близких и обществу в целом (союзы солдатских матерей, общности родителей наркоманов, «школы выживания»).

У общностей жертв риска есть ряд общих черт, которые, однако, присущи им в разной степени. На первое место я бы поставил *вынужденный характер* этих общностей – они всегда являются «ответом» на риск со стороны общества или его отдельных структур. Отсюда реактивность их рефлексии, оборонительный или защитный характер социального действия, отсутствие креативных целей – только «вернуть потерянное», «отстоять свое право» и т.п. Хотя участие таких групп, скажем, в антиглобалистском движении или в международных дебатах по поводу «парникового эффекта» – уже эмпирический факт, цели подобных солидарностей все же, как правило, ограничены местом и временем, их можно назвать движениями одной задачи, одного пункта. Эта конкретность и ограниченность цели детерминирует социальный состав рассматриваемых общностей, например, объединений матерей военнослужащих, находящихся в «горячих точках», «обманутых вкладчиков», беженцев или вынужденных переселенцев. Перманентный дефицит ресурсов склоняет подобные общности к использованию «тактики случая» (Голофаст, 2002), ограничению своих устремлений, к выбору меньшего из зол.

Поскольку и позитивные, и негативные риск-солидарности преследуют ограниченные цели, они обычно достаточно индифферентны к макросоциальным изменениям и мало восприимчивы к инновациям, если последние не представляют собой тактические средства, позволяющие достигать поставленной цели. Большинство подобных групп отмечены «мобилизационной» психологией и высокой толерантностью к фактам принуждения. В конечном счете, риск-солидарности являются формой приспособления людей к обществу риска и в этом смысле продлевают его существование. Как отмечал П. Сорокин, если война длительна и охватывает все общество, то оно в процессе «естественного отбора» в конечном счете приспособляется к войне (Сорокин, 1994: 357).

Исторические корни риск-солидарностей

Российская империя с ее самодержавием, гнетом бюрократии, необходимостью «держаться в узде» огромные, редко заселенные пространства всегда порождала, с одной стороны, авантюризм и насилие «лихих людей», с другой – покорность, время от времени взрывающуюся бунтами отчаяния. Мобилизационные периоды российской истории, длившиеся по несколько десятилетий, способствовали закреплению форм экстенсивного труда, развивали привычку к патернализму, к работе по указке сверху. Отторжение идей личной ответственности и соревнования, сопротивление переменам, страх перед будущим («раньше было лучше»), убежденность в существовании где-то «земли обетованной» – все это родилось не сегодня. Как и солидарности людей обманутых, гонимых,

ущемленных в своих правах. Вместе с тем, огромные пространства и неисчерпаемые людские и природные ресурсы создавали иллюзию возможности дистанцирования от рисков, существования за счет «Другого» (Beck, 1992).

Еще один фактор – бесконечные войны, которые были не только очагами насилия, но провоцировали хаос и насилие, разрушали социальный порядок. К тому же, войны «*всегда были орудием отрицательной селекции..., т.е. убивающей лучшие элементы населения и оставляющие жить и плодиться худшие, т.е. людей второго и третьего сорта*» (Сорокин, 1994: 423 – выделено автором источника). Подводя итог первой мировой войны и последовавшей за нею революции, П. Сорокин писал, что, в отличие от людей морально чистых, люди морально дефективные в «условиях зверской борьбы, лжи, обмана, беспринципности и морального цинизма...чувствовали себя великолепно; занимали выгодные посты, зверствовали, мошенничали, меняли по мере надобности свои позиции и жили сытно и весело». Морально чистые, не выдерживая «раздражений среды», протестовали, что навлекало на них подозрения, преследования, наказания и смерть (Сорокин, 1994: 424). Выдающиеся люди погибли или эмигрировали, выжившие подверглись, по выражению Сорокина, громадной биологической и нервно-мозговой деградации. Отсюда другой вывод: войны и революции порождают *отложенные риски* – жителям страны главные платежи по векселям войны и революции придется платить позже и очень долго. Подчеркну – я говорю лишь о некоторой устойчивой *понижающей тенденции*, которая, в конечном счете, привела страну к кризису и распаду СССР.

Неизбежный спутник принудительных трансформационных процессов – эмиссия энергии распада. Она представляет собой массовые действия, разрушающие социальный порядок, его нормативно-ценностную и институциональную структуры. Выделение энергии распада – это актуализация социального риска в форме неконтролируемых действий атомизированных или политически сконструированных социальных акторов (Яницкий, 1996; Yanitsky, 2000). В разные исторические периоды эта энергия существовала в форме потоков вынужденных переселенцев, беженцев, бездомных, безработных, бандитских групп, криминальных общностей и сепаратистских движений. Но так или иначе, были «хищники» и «жертвы», гонители и гонимые.

В общем и целом, тоталитаризм был двойственен по своей природе. Представляя собой исторически кратковременный способ укрепления социальной системы путем устрашения, насилия и унификации (снижения разнообразия), он был рискогенен для нее самой, поскольку директивный и мобилизационный характер ее функционирования вел одновременно к снижению ее устойчивости, разрушению интеллектуального потенциала общества и накоплению «отложенных» рисков во всех структурных элементах системы – социальных, технических, природных.

Насилие и террор сформировали «идеальный тип» негативной солидарности эпохи большевизма: насильник и жертва поддерживали друг друга. Негативная солидарность есть общность людей с противоположными интересами, находящихся в противостоящих социальных группах (производителей и жертв рисков), в то же время взаимно поддерживающих друг друга (Yanitsky, 1996).

Хочу обратить внимание на два обстоятельства. Первое – *структурные риски*. Институты и организации, созданные на основе коммунистического проекта, ломая традиционные формы организации жизни, уже в первое послереволюционное десятилетие вызвали мощную эмиссию энергии распада (беспризорники, беженцы, вынужденные мигранты в города). Тоталитарное государство частично конвертировало эту энергию в подневольную армию «строителей социализма», часть «лишних людей» просто погибла (голод и репрессии 1920–1930-х гг.). Но и созданные по этому проекту как организационные формы (колхозы и совхозы, монофункциональные города и рабочие поселки, «закрытые города»), так и институты (Госплан, отраслевые ведомства) оказались внутренне несостоятельными и, в конечном счете, саморазрушились, вызвав новый выброс энергии распада. Таким образом, социальные институты, создаваемые на базе утопического проекта, оказались не только нежизнеспособными, но и рискогенными.

Второе – феномен *саморазвития и усиления риска*. Известно, что в ходе гражданской войны большевики в ответ на «белый террор» объявили «красный террор», который был возведен ими в ранг государственной политики. Это означает, что принимаемые государственные решения были не только «хромающими» или просто ошибочными, но, по мере их продвижения по властной вертикали вниз, на места, *усиливались*, приобретая все более жесткий характер. С моей точки зрения, это был очередной выброс энергии распада. Накопленный в обществе потенциал «борьбы до победного конца» требовал выхода.

Теперь вернусь к проблеме «Другого». И в социологии и обыденном сознании мир нашей жизни явно и подспудно разделен на «этот» и «тот», светлый и темный, нормальный и патологический. Между тем, тоталитаризм сделал эти миры подобными и взаимопроницаемыми. Послушаем человека, хорошо знавшего оба эти мира.

Лагерь, писал В. Шаламов, «не противопоставление ада раю, а слепок нашей жизни и ничем другим быть не может». Лагерь – мироподобен. В его социальном и духовном устройстве нет ничего, чего не было бы на воле. «Лагерные идеи только повторяют переданные по приказу начальства идеи воли... Лагерь – слепок еще и потому, что там все как на воле: и кровь также кровава, и работают на полный ход сексот и стукач, заводят новые дела, собираются характеристики, ведутся допросы, кого-то выпускают, кого-то ловят» (Шаламов, 1996: 387–388).

Возник феномен «общности страха» – атмосфера всеобщего «гона» тех лет наиболее явное его выражение. Как видим, ситуация всеобщего «Я боюсь!» далеко не только порождение перехода к высокой модернизации. Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) резко изменила ситуацию. После долгого перерыва вновь появились массовые *позитивные* риск-солидарности, мотивируемые чувствами гражданского долга и ответственности (добровольческое и партизанское движения, различные формы помощи населения фронту, раненым в госпиталях). Перед лицом смертельной опасности сложились также *фронтные братства* людей, настолько прочные, что выжившие в той войне ищут своих товарищей по оружию до сих пор, спустя более полувека! Феномен фронтного братства («афганцев», «чеченцев») существует и сегодня...

Уйдя с политической арены, тоталитаризм сохранил глубокие корни в российском социуме. Масса людей, привлеченная в реализацию амбициозных проектов («великие стройки коммунизма»), не обладая способностью к рефлексии и самоорганизации, стала *соучастницей* производства новых мегарисков, смертельно опасных не только для них самих, но и для их детей, внуков и правнуков. Роя все новые «котлованы», эти люди разрушали не только природные, но и социальные основы того будущего, к которому стремились.

Здесь уместно акцентировать глубокое различие между *реактивной* и *рефлексивной* риск-солидарностями как некоторыми идеальными типами. Первый тип основан на вере и мифах, на безусловном доверии вождю (харизматической личности, «тотему»), то есть по существу является идеологизированным типом солидарности. Этот тип не предполагает самоорганизации. В посттоталитарном обществе его основными функциональными моделями были социалистическое соревнование и другие массовые кампании – массовые идентификации и соответствующие им формы социального действия, организованные «сверху». Основой второго типа является знание, научная и социальная рефлексия, способность к самостоятельному мышлению и коллективной самоорганизации. В конечном счете, второй тип реализуется в формировании гражданских инициатив и социальных движений, имеющих своей целью введение в публичный дискурс, а затем и в политику новых ценностей и целей. Именно этот, второй тип породил в посттоталитарной России сначала экологическое движение, а затем народные фронты, национальные и другие социальные движения, немало способствовавшие краху коммунистической системы.

Риск-солидарности в «переходном обществе»

«Переходное общество» частично унаследовало позитивные и негативные риск-солидарности посттоталитарного периода нашей истории. Отложенные и структурные риски

постепенно актуализировались. Социальная среда, бывшая долгое время их «поглотителем», начала отдавать их обществу, то есть сама становилась рискогенной.

Позитивные риск-солидарности этого периода – солидарности альтруистов, стремящихся прежде всего привести в порядок и минимально обезопасить среду своего повседневного обитания, оказавшуюся буквально напичканной рисками для здоровья и жизни миллионов граждан. Демократизация и гласность открыли дорогу эмиссии их креативной энергии. Конечно, эта энергия возникла не на пустом месте, она накапливалась годами в тысячах отраслевых научно-исследовательских институтах, закрытых конструкторских бюро, в сотнях тысяч общественных организаций и ассоциаций, уже занимавшихся проблемами экологии, охраны памятников культуры и истории, в местных группах взаимопомощи и т. п. С перестройкой коридор социальных и политических возможностей этих инициатив расширялся с каждым днем. Таким образом, порождающей средой позитивных риск-солидарностей стало формировавшееся в последнее десятилетие «развитого социализма» гражданское общество (Яницкий, 1996).

Негативные риск-солидарности этого периода – это солидарности эгоистов, то есть временщиков, стяжателей, цеховиков и «теневиков», которых в возрастающих масштабах плодил «развитый социализм» (напомню бытийный принцип этой эпохи: «Живи и давай жить другим!»). Эти общности также возникли не на пустом месте. Рынок теневой и административный, блат, взяточничество, коррупция были их порождающей средой, которую создавала партийно-государственная машина (Кордонский, 2000; Клямкин и Тимофеев, 2000).

Мотивация этих двух типов солидарностей была различной. Солидарности первого типа основывались на стремлении понять и помочь (природе, близким, обществу), защитить их от нажима государственных структур и чиновников. Это были всегда низовые неформальные солидарности. Они создавались для защиты рядовых граждан, боролись против бюрократизации общества, за расширение коридора личных прав и возможностей. Конституирующими элементами мотивационной структуры первого типа были самореализация, самоорганизация и самосохранение. Поначалу – сохранение себя как личностей и граждан, а позже, с середины 1990-х гг., как психическое и физическое самосохранение (выживание).

Основной мотивации солидарностей второго типа были именно эгоистические, стяжательские побуждения, представление человека об общественном благе как «куске» своего собственного, лично ему принадлежащего богатства, который следовало взять или отнять силой «здесь и сейчас». Мы до сих пор недооцениваем продолжавшееся в течение многих десятилетий возвращение коммунистическими идеологами *культы силы*, прежде всего посредством государственной поддержки спортивных организаций и добровольных полувонизированных обществ, начиная от ОСОАВИАХИМа 1930-х гг. и до ДОСААФа 1970–1980-х.

Обратной стороной медали было освобождение членов этих организаций от ответственности перед обществом – отвечать надобно только перед «своими». Кстати, разделение на «своих» и «чужих» всегда было присуще этому типу. Подобные общности отличались высокой агрессивностью, склонностью к насилию, тяготением к милитарной организации и психологии и, соответственно, низкой толерантностью к «другим». Постепенно «дружба против» стала для таких общностей конституирующим фактором. Вот характерный пример. В экологическом движении на Западе долгое время был широко распространен принцип NIMBY (“Not in my backyard!”). NIMBY в российской варианте – «Только не в моем городе, поселке, селе...!» – распространен сегодня повсеместно по отношению к любым «другим» (русским и другим вынужденным переселенцам, «лицам кавказской национальности» и др.). Этот тип солидарности можно также назвать солидарностью упрощенцев, видящих мир в черно-белом свете.

Дихотомия полярных типов

Чтобы представить различия рассматриваемых типов еще более выгукло, возьмем «крайние» группы людей: непосредственных жертв рисков и их производителей, скажем,

«криминалов», которые обслуживают «силовое предпринимательство». Обширный материал для вторичного анализа дают здесь исследования российских социологов (Волков, 2002; Мельникова, 2000; Радаев, 2002; Позднякова, 1998; Шилова, 1998; и др.). Обозначим первую как «жертв», а вторую – как «хозяев жизни».

Начнем с критериев их самоопределения. «Жертвы» характеризуют себя как законопослушных граждан, но одновременно «просителей», «гонимых», «жертв обстоятельств», то есть как аутсайдеров. Они более открыты другим людям, более толерантны. «Хозяева жизни» видят себя активными строителями собственной судьбы. Они тоже «послушны», но – своим, криминальным правилам («понятиям»). «Хозяева жизни» агрессивны и несовместимы с другими сообществами.

Теперь о целях. Интерес и цель у «жертв» риска артикулируется прежде всего вовне: они апеллируют к государству и обществу. Интерес и цели «хозяев» артикулируются только внутри своего сообщества. Публично их цели не артикулируются, они скрываются. Первые для достижения своих целей апеллируют к закону, вторые опираются на изобретенные ими же самими правила («понятия»).

Различна и готовность к солидарным действиям. «Жертвы» готовы действовать только в случае реальной угрозы здоровью и жизни их самих или родных и близких (с моей точки зрения, концепции рационального выбора и иерархии потребностей здесь не работают, поскольку наверху последней стоит именно выживание). Конечно, ситуативно эта группа может быть мотивирована к действию некоторым общим интересом (например, борьбой с распространением наркотиков в своем городе), но, как правило, их готовность к солидарным действиям имеет ограниченный во времени и пространстве характер. Поскольку активность «хозяев жизни» мотивируется их меркантильными и/или политическими интересами, они всегда готовы к силовому действию и вертикальной мобильности.

Ресурсы «жертв» – это, как правило, только их личные и групповые ресурсы и, следовательно, они очень ограничены. Коридор политических возможностей «жертв» крайне узок. Государственные организации им обычно не помогают, поскольку имеют собственные структуры защиты и спасения (Министерство по чрезвычайным ситуациям). Совокупный ресурс «хозяев» неизмеримо больше. Это их силовые, финансовые и информационные структуры, административный ресурс или мощные «крыши», «общак» и т.п. Ту же мысль можно выразить и по-другому. «Жертвы» всегда находятся в отчужденном (хаотичном и непрозрачном) социальном пространстве, им приходится расходовать значительную часть своих ограниченных ресурсов на преодоление сопротивления рискогенной среды, на «пробивание» своих идей, на обретение самого права действовать в защиту себя и близких. «Хозяева» же, используя свой силовой и другие ресурсы, напротив, активно структурируют это пространство, поскольку сама рискогенная среда (бедность, безработица, тень, криминал) является их ресурсом.

Различен и характер адаптации этих двух групп к рискогенной среде. «Жертвы» не хотят к ней адаптироваться – они стремятся ее изменить, привести в соответствие с законом, снизить уровень риска. «Хозяева», напротив, чувствуют себя в ней превосходно – это их среда, их социальный порядок. Фактически, «хозяева» не адаптируются к среде, а адаптируют ее к своим интересам, расширяя тем самым зону риска для «жертв». Есть и глубокие структурные различия. В организациях «жертв» нет жесткой иерархии и четкого разделения труда, их члены в зависимости от обстоятельств взаимозаменяемы. Организации «хозяев жизни» имеют жесткую иерархию и внутреннее разделение труда.

По-разному решается и проблема делегирования полномочий. «Жертвы» обычно никому не делегируют своих полномочий, предпочитая методы прямой демократии. Именно поэтому подобные общности состоят преимущественно из личностей. В общностях «хозяев жизни» дело обстоит иначе. Их рядовые члены, строго выполняя определенные внутренней иерархией функции, делегируют свои полномочия «хозяевам» в обмен на «долю» и защиту. Личностное начало выражено здесь гораздо меньше, архаическое сознание преобладает.

В конечном счете, различна и самоидентификация рассматриваемых групп. Для «жертв» нет рационального выбора: преобладает выбор гуманистический («не могу иначе») и ин-

стинктивный (материнский). Выступая также в роли защитников «других» (новобранцев, детей-наркоманов, жертв семейной жестокости и бытовых преступлений), «жертвы» идентифицируют себя с «гражданами», поскольку рассматривают свою активность как необходимую для общества. В основе самоидентификации «хозяев», чье поведение мотивируется эгоистическими интересами, лежит специфический, но вполне рациональный выбор («чья крыша надежнее»). Самоидентификация этой группы носит агрессивный характер, поскольку построена на противопоставлении «мы» и «они».

Современные тенденции

Жизнь России последних лет построена на культивировании негатива, взаимного отчуждения и уничтожения: homo politicus есть homo hostilis. Как показали мои собственные исследования, даже для консолидации российских зеленых – общности, по определению ориентированной на достижение общего блага, – также нужен был образ антагониста, врага.

Далее, феномен вынужденной взаимоподдержки производителей и жертв рисков не исчез, – напротив, он приобретает все более распространенный характер. Вступая в теневые и криминальные отношения, люди вынуждены нарушать закон и мораль, участвовать в производстве рисков. Сплочение на основе недоверия (к кандидатам в депутаты, политическим программам и целым институтам, голосование «против всех») также присуще солидарностям обоих типов.

Но самое главное: в ходе вынужденного взаимодействия этих двух типов формируется третий – «серый» тип, выступающий *посредником* между двумя полюсами. Здесь действует российский вариант «железного закона олигархии»: в ходе своего функционирования неформальные общности и солидарности начинают работать на себя, бюрократизируются и вовлекаются в теневые отношения. К тому же, рассматриваемые типы нуждаются друг в друге. Если первые (производители рисков) при помощи вторых (жертв рисков), их неформальных каналов и связей в «узком кругу» добывают жизненно необходимую информацию, то посредники прикрываются легальными общностями с целью отмывания «грязных» денег, доступа к административным и политическим ресурсам.

Если вначале перестройки позитивные (креативные) риск-солидарности явно преобладали, то сегодня этот термин все чаще приходится брать в кавычки, потому что он обозначает солидарность именно «жертв», то есть терпящих бедствие в физическом (разорение и бедность, ветхость жилищ, природные и техногенные катастрофы), экономическом (завышение тарифов на услуги, задержка зарплаты) и социальном (нарушение гражданских прав, бюрократические притеснения, невыполнение обязательств, взятых на себя государственными структурами) смыслах. Нынешние позитивные риск-солидарности – это последний оплот гласности и надежды рядовых граждан защитить свои неотъемлемые права.

Почему происходит сдвиг в сторону «негатива»? Во-первых, негативные солидарности постоянно продуцируются теневой и криминальной экономикой, причем постепенно из теневых они превращаются в квази-легальные, но доминирующие вполне реально, потому что их ресурс практически неограничен. Во-вторых, негативные солидарности конструируются государственными или олигархическими структурами в виде контрдвижений, параллельных партий или избирательных блоков, кандидатов-двойников и т.д. Как отмечали эксперты, среди некоммерческих организаций – участник «Гражданского Форума» 2001 г. были десятки однодневок, явно сконструированных ad hoc, только для приобретения политических дивидендов или в качестве противовеса радикальным общественным организациям и объединениям, известным своими делами уже десяток лет.

В-третьих, негативные солидарности маскируются под легальные, приобретая тем самым дополнительные ресурсы и политические возможности. По утверждению журналистов, у некоторых групп скинхэдов («бешеные жеребцы») и молодежной проправительственной организации «Идущие вместе» одни те же лидеры (Шаргунов, 2002: 2). Новей-

шая традиция создала множество, говоря словами Ю.А. Левады, «лукавых» форм солидарности для откочки ресурсов благотворительной помощи, поступающей с Запада. Я называю их *утилитаристскими*, или квази-солидарностями, поскольку, имея легальный статус, они по сути несут паразитический характер или занимают вымогательством.

В-четвертых, негативные солидарности формируются в среде так называемого протестного электората – голосование на выборах «против всех» только одна из его форм. Так, на выборах мэра Нижнего Новгорода, третьего по величине города России, в сентябре 2002 г. 1/3 пришедших на выборы проголосовала «против всех». Несколько лет назад группа депутатов Государственной Думы даже пыталась создать федеральное избирательное объединение под тем же лозунгом. Этот феномен – плод растущего отчуждения от власти. «Господин «Против всех» получает голоса просто потому, что это *единственный некоррупцированный кандидат*» (Кагарлицкий, 2002: 2, выделено автором источника).

В-пятых, это преступность, прежде всего организованная, связанная, как правило, с криминальным бизнесом (подпольное производство алкогольной продукции, проституция, торговля наркотиками, игорный и браконьерский бизнес, контрабанда). Но это также и «дикая преступность», подростковая и молодежная, продуцируемая бедностью, безработицей, беспризорностью, жестокостью обращения с детьми в семьях или их распадом. Наконец, постоянная подпитка данных солидарностей людьми и ресурсами идет из всех «горячих точек» и, прежде всего, из Чечни.

Быстрое развитие негативных солидарностей не может быть объяснено только экономическими и политическими причинами. Культура прошлого, совсем недавнего и более далекого, продолжает оказывать свое влияние. Привычка к дармовщине, «халяве» и вообще жизни за счет «Другого» (неважно, будь это общественные фонды потребления или благотворительная помощь Запада), культ силы и завышенные ожидания, утрата элементарной трудовой этики, желание «работать по-советски, а жить по-американски», отношение к чужому добру как к своему собственному, в конечном счете, стремление иметь все без особых усилий, причем «здесь и сейчас» – все это рецидивы культуры советского периода, за которой проглядывают пласты архаической российской культуры. Эта культура, подпитывая негативные солидарности, как ни парадоксально, предохраняет общество от социального взрыва, но – за счет снижения его потенциалов к модернизации.

Заключение

Анализ риск-солидарностей и социальная рискология в целом – не разновидность сциентистского алармизма, как иногда полагают, а попытка увидеть «обратную сторону Луны» и тем самым получить более объемный, сбалансированный взгляд на социальные структуры и процессы. Да, сегодня в российском обществе пока преобладают понижающие тенденции. Но если мы поймем их исторические и социальные корни, легче будет искать выход из сложившейся ситуации, строить сценарии выхода из кризиса.

В заключение хочу привести слова С. Забелина, признанного лидера российских зеленых, который в течение многих десятилетий считал, что российское экологическое движение должно быть самостоятельным и даже обособленным. Но времена меняются, и возникает необходимость новых союзов и размежеваний.

Забелин говорит о необходимости перемен, потому что произошло фундаментальное изменение социального контекста. Сегодня не «население, а корпорации становятся ключевым ресурсом, обеспечивающим существование... государственной машины. Не подоходный налог с граждан, а налог с прибыли естественных монополий и акцизы на водку и бензин формируют бюджет России. Кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Вчера – население, сегодня – национальные и транснациональные корпорации» (Забелин, 2000: 2).

К этому надо «относиться без истерики, как к объективному естественноисторическому процессу», то есть «разогнуться», «перестать стоять в позе выпрашивающих милостыню у сильных мира сего» и научиться этим силам противостоять. Как? – Начать искать

союзников, «которые пока не подозревают об общности наших с ними интересов, и о которых мы сами не думаем как о союзниках. А чаще брезгливо морщимся. А пора бы отвыкнуть морщиться». Кто же они, эти союзники? Это все те, по мнению Забелина, кто не собирается бежать из страны, те, кто хочет работать, дышать и нормально отдыхать. Это – все самоуправляющиеся структуры самого разного профиля и масштаба. И, наконец, это «другие общественные объединения, в первую очередь, правозащитные... Чтобы все они стали нашими союзниками, нужно очень мало: смирить свою гордыню, перестать считать только себя солью земли, увидеть и принять ценность труда других и научиться с ними разговаривать... без этого мы потеряем не только природу, но и самих себя» (Забелин, 2000: 2–3).

Примечание

Статья является переработанной версией доклада, представленного на 6-ю конференцию Европейской социологической ассоциации (Испания, 2003).

Литература

- Бабаева С., Бовт Г. Две страны одного президента. Социальная база реформ в России грозит сузиться до слоя самих «реформаторов» // Известия. 2002. 16 декабря.
- Боссарт А. И ни в чем себе не отказывайте // Новая газета 2003. № 4 (837). 20–22 января.
- Волков В.В. От преступных группировок к региональным бизнес-группам // Заславская Т.И. (ред.). Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М.: МВШСЭН, 2002. С. 108–119.
- Голофаст В. Повседневность в социокультурных изменениях // INTER. 2002. № 1. С. 67–74.
- Гудков Л.Д. К проблеме негативной идентификации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 5.
- Данилова Е.Н. Кто мы, россияне? // Ядов В.А. (ред.). Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 592–608.
- Забелин С. Никто не даст нам избавленья... // Вести СоЭС. 2000. Май–июнь.
- Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М.: Изд-во Московского ун-та, 2000.
- Кагарлицкий Б. Все в порядке, точнее – в режиме // Новая Газета. 2002. № 73 (811). 3–6 октября. С. 1–2.
- Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия. М.: РГГУ, 2000.
- Кордонский С.Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000.
- Луман Н. Общество, интеракция, социальная солидарность / Пер. Т. Козловой и Е. Мещеркиной // Человек. 1996. № 3.
- Мельникова В.Д. (ред.). За жизнь и свободу. Выступления и документы II Международного Конгресса солдатских матерей. М.: Союз комитетов солдатских матерей России, 2000.
- Позднякова М.Е. Наркомания как социетальная проблема // Яницкий О.Н. (ред.). Россия: риски и опасности «переходного» общества. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 106–130.
- Радаев В.В. Российский бизнес: на пути к легализации? // Вопросы экономики. 2002. № 1. С.68–87.
- Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.
- Шаламов В. Несколько моих жизней. Проза. Поэзия. Эссе / Сост. и прим. И.П. Сиротинской. М.: Республика, 1996.
- Шаргунов С. Хайль вместе. Новая газета. 2002. №70 (808). 23–25 сентября.
- Шилова Л.С. Стресс, здоровье, и изменение самосохранительного поведения населения Москвы за годы реформ // Яницкий О.Н. (ред.). Россия: риски и опасности «переходного» общества. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 161–191.
- Ядов В.А. А все же умом Россию понять можно // Ядов В.А. (ред.). Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 9–20.
- Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. М.: Институт социологии РАН, 1996.
- Beck, U. (1992). *Risk Society. Toward a New Modernity*. London: SAGE.
- Beck, U. (1994). "The Reinvention of Politics: Towards a Theory of Reflexive Modernization", in Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Stanford, CA: Stanford University Press: 1–55.

- Beck, U. (1995). *Ecological Enlightenment. Essays on the Politics of the Risk Society*. New Jersey: Humanities Press.
- Beck, U., Giddens, A., Lash, S. (1994). *Reflexive modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Broad, R. (2002). *Global Backlash: Citizen Initiatives for a Just World Economy*. Lanham, MA: Rowman & Littlefield Publishers.
- Diani, M. (1992). "The Concept of Social Movements", *Sociological Review*. Vol. 40: 1–25.
- Douglas, M. (1985). *Risk Acceptability According to the Social Sciences*. N.Y.: Russel Sage Foundation.
- Douglas, M. (1992). *Risk and Blame: Essays in Cultural Theory*. L.: Routledge.
- Douglas, M. and Wildavsky, A. (1982). *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers*. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press.
- Cerulio, K. A. (1997). "Identity Construction: New Issues, New Directions", *Annual Social Review*. No 23: 385–409.
- Luhmann, N. (1993). *Risk: A Sociological Theory*. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc.
- Obershall, A. (1993). *Social Movements: Ideologies, Interests and Identities*. New Brunswick: Transaction Publishers.
- Smith, J. and Johnston, H. (2002). *Globalization and Resistance: Transnational Dimensions of Social Movements*. Lanham, MA: Rowman & Littlefield Publishers.
- Stryker, Sh. (1991). "Identity Theory", in Edgar F. Borgatta (Ed.). *Encyclopedia of Sociology*. N.Y.: Macmillan Publishing Company: 873–876.
- Tilly, Ch. (1978). *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Touraine, A. (1988). *Return of the Actor. Social Theory in Postindustrial Society*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press.
- Touraine, A., Hegedus Z., Dubet F., Wieviorka M.. (1983). *Anti-Nuclear Protest. The Opposition to Nuclear Energy in France*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Wildavsky, A. (1988). *Searching for Safety*. New Brunswick, NJ: Transaction Book.
- Yanitsky, O. (1996). "The Ecological Movement in Post-Totalitarian Russia: Some Conceptual Issues", *Society and Natural Resources*. Vol. 9: 65– 76.
- Yanitsky, O. (2000). "Sustainability and Risk. The Case of Russia. – Innovation", *The European Journal of Social Sciences*. Vol. 13. № 3: 265–277.
- Yuen, E., Burton-Rose, D., Katsiaficas, G. (2002). *The Battle of Seattle: The New Challenge to Capitalist Globalization*. N.Y.: Soft Skill Press.